

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/IJAAIE>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.: ПАТРИАРХ НИКОН И ПАИСИЙ ЛИГАРИД

© 2026 г. С.К. Севастьянова

*Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия*
Дата поступления статьи: 10 декабря 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 21 января 2026 г.

Дата публикации: 25 марта 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-I-206-223>

Аннотация: В статье выявляются особенности полемического поведения двух ключевых фигур русской публицистики второй половины XVII в. — патриарха Никона и Газского митрополита Паисия Лигарида. Вступившие в словесный поединок представители двух культур — западноевропейской и византийско-греческой имели противоположные идейные позиции по вопросу о разделении властей, которые выразили в своих произведениях. Лигарид подготовил ответы на тридцать вопросов к нему боярина Стрешнева о Никоне и его поступках. Эта «Отписка» послужила литературным образцом для «Возражения» Никона. Полемисты продемонстрировали индивидуальность и уникальность своей риторики. Показано, что литературно-публицистический инструментарий Лигарида — сочетание сюжетов и образов Священного Писания, святоотеческого наследия и античной словесности — преследовал исключительно светские цели. Патриарх Никон снабдил «Возражение» мощным духовно-нравственным потенциалом, сложившимся на основе традиционного круга чтения древнерусского книжника. Авторский стиль Никона подчеркнул его приверженность традиции прения, предполагавшей умелое соединение разных стилистических регистров. Знакомый с западными примерами спора патриарх в полемике оставался книжником и строгим ортодоксом.

Ключевые слова: патриарх Никон, Паисий Лигарид, С.Л. Стрешнев, «Отписка», «Возражение», прение, риторика

Информация об авторе: Светлана Климентьевна Севастьянова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

E-mail: sevask@mail.ru

Для цитирования: Севастьянова С.К. Полемическая культура в России второй половины XVII века: Патриарх Никон и Паисий Лигарид // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 1. С. 206–223. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-I-206-223>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

POLEMICAL CULTURE IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY: PATRIARCH NIKON AND PAISIUS LIGARIDES

© 2026. Svetlana K. Sevastyanova

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Received: December 10, 2025

Approved after reviewing: January 21, 2026

Date of publication: March 25, 2026

Abstract: This article explores the polemical behavior of two key figures in Russian journalism in the second half of the 17th century: Patriarch Nikon and Metropolitan Paisius Ligarides of Gaza. These representatives of two cultures — Western European and Byzantine Greek — engaged in a verbal duel, each holding opposing ideological positions on the separation of powers, which they expressed in their works. Ligarides prepared responses to thirty questions from the boyar Streshnev about Nikon and his actions. This “Unsubscribe” served as the literary model for Nikon’s “Refutation.” The polemicists demonstrated the individuality and uniqueness of their rhetoric. The article demonstrates that Ligarides’ literary and journalistic toolkit — a combination of themes and images from Holy Scripture, patristic heritage, and classical literature — pursued exclusively secular goals. Patriarch Nikon imbued the “Refutation” with powerful spiritual and moral potential, drawing on the traditional readings of ancient Russian scribes. Nikon’s writing style emphasized his commitment to the tradition of debate, which required a skillful combination of different stylistic registers. Familiar with Western techniques of debate, the Patriarch remained a scribe and a strict orthodox.

Keywords: Patriarch Nikon, Paisius Ligarides, S.L. Streshnev, “Unsubscribe,” “Refutation,” debate, rhetoric

Information about the author: Svetlana K. Sevastyanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, 630090 Novosibirsk, Russia.
<https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

E-mail: sevask@mail.ru

For citation: Sevastyanova, S.K. “Polemical Culture in Russia in the Second Half of the 17th Century: Patriarch Nikon and Paisius Ligarides.” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 1, 2026, pp. 206–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-206-223>

Вторая половина XVII в. в истории русской культуры, по мнению исследователей, переживает процесс обмирщения, который захватывает все ее сферы. По своему типу отечественная культура продолжает оставаться средневековой. Однако внутри традиционализма зарождается новое отношение к книге, авторству, образованности и просвещенности, особенно заметно проявившееся в практике справщиков Московского печатного двора [2]. В отличие от тружеников печатного дела, шестой Всероссийский патриарх Никон († 1681), в период первосвятительства управлявший главным издательским органом страны, сохранил верность традиции и вошел в историю русской письменной культуры как типичный древнерусский книжник.

Во второй половине XVII в., когда власть в России приобретала «особый сакральный статус» (термин Б.А. Успенского), проблема традиции и новизны в культуре и общественной жизни вылилась в жаркий дискуссионный вопрос о священстве и царстве, ожививший отечественную полемическую традицию. «Возражение, или Разорение смиреннаго Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросовъ боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на отвѣты Паисеовы»¹ (далее — «Возражение») — самое известное и самое обширное (почти тысяча листов в «четверку») из всех литературно-публицистических сочинений Никона. Принято считать, что книга Никона является наиболее полным источником его идей и воззрений о разделении властей в России (В.Е. Вальденберг, Н.В. Воробьева, М.В. Зызыкин, В.В. Шмидт, В.М. Ун-

1 ГИМ. Воскресенское собр. № 133. Л. 1. Здесь и далее цитаты из рукописных источников, дореволюционных изданий и современных публикаций, воспроизводящих рукописные тексты, приводятся в орфографии оригинала.

дольский). «Возражение» свидетельствует не только о высокой богословской эрудиции первоиерарха, «опирающегося на библейскую и евангельскую историю, творения святых отцов, решения вселенских и поместных соборов и законы византийских императоров» [7, с. 38–64], но и отражает на письме его «характеръ и <...> душевное настроеніе» [11, с. 179]. В возражениях, отмечали ученые-апологеты, Никон выразил убеждения «с большой прямою и неустрашимостью» [14, р. 43].

Оппонент Никона — Паисий Лигарид, митрополит Газы († 1678), — приехал в Москву весной 1662 г. Имевший блестящее европейское образование и докторскую степень по богословию Паисий в православном мире приобрел репутацию авантюриста, «еретика из еретиков», «хитрого, пронырливого и коварного» человека [11, с. 11]. Узнав о конфликте царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, он вызвался помочь русскому правительству сместить опального первосвященника и утвердить нового главу Русской Церкви. Отдав в византийской модели «симфонии» Церкви и общества первенство руководителю государства как носителю святости и особой харизмы, Лигарид в период пребывания в Москве восхваляет и превозносит Алексея Михайловича как идеального христианского правителя, способного в одном лице совместить власть царя и архиерея. Никона же Лигарид характеризует как нарушителя церковного законодательства, унизившего своими поступками достоинство царя. Составленной им «Отписке к боярину Симону Лукьяновичу Стрешневу митрополита Паисия Газскаго и на тридесять вопросов отвѣты новых обычаев Никоновых бывшего патриарха московскаго; во 171-м году» [11, с. 518] (далее — «Отписка») «Возражение» обязано своим происхождением. Оригинал «Отписки» на латинском или греческом языке не сохранился. Ее текст известен в русском переводе в списках XVII–XIX вв. (и в составе «Христианоопасного щита веры...» инока Авраамия); переложение на русский язык неизвестного толмача издано Н.А. Гиббеном по не сохранившейся рукописи из приказа Тайных дел [11, с. 518–550].

Пolemическое поведение патриарха Никона и Лигарида, имевших противоположные идейные позиции, не изучалось. Упоминанию о знаковой для русской публицистики второй половины XVII в. полемике Московского патриарха и Газского митрополита о власти в России не нашлось места в коллективной монографии об истории доказательных практик в культурах Европы и Христианского Востока Средних веков и Нового времени [6].

Восполняя этот пробел, в одной из наших работ мы поставили проблему филологического изучения «Возражения» и «Отписки» в контексте русской литературы и идейной борьбы [8]. В рамках же статьи обозначим наиболее заметные аспекты полемической культуры и аргументационной техники, свидетельствующие об индивидуальности и уникальности риторики каждого оппонента.

Литературоведческих исследований, в которых проявился специальный интерес к «Возражению», всего два. Они представлены разделом в книге А.С. Елеонской о русской публицистике второй половины XVII в. [3, с. 19–78] и кратким филологическим комментарием Валери А. Туминс к ленинградскому списку «Возражения» при подготовке текста к изданию [14, р. 63–79].

А.С. Елеонская указала на ряд художественных средств и приемов полемической литературы, при помощи которых патриарх Никон раскрывал тему священства и царства. Это: выразительные характеристики его противников при помощи подбора специальной лексики; украшение слога метафорическими образами, символами и сравнениями; использование в языке элементов разговорной речи; владение приемами ораторского искусства. В «Возражении», по мнению исследователя, в большей степени, чем в других сочинениях Никона, проявилось следование древнерусской книжной традиции, отразившееся в открытом неприятии «латинства», явленного в личности и поступках Лигарида, в его манере вести спор, выраженной в подборе светских источников и восходящих к античной культуре сравнений [3, с. 42–44, 57].

В.А. Туминс отметила ряд особенностей работы Никона с источниками. В начале книги, где главы-возражения имеют небольшой объем, полемист придерживался их хронологического порядка, позже, с увеличением длины ответов и числа заимствований соблюден порядок внутреннего сохранения каждого источника; предпочитая последовательно цитировать опорные тексты, автор допускал их свободный пересказ, который мог приобретать вид «анафорической цепи парафраз библейских картин», или давал ссылку-указание на донорский текст [14, р. 74].

В описаниях литературной стороны «Возражения» Елеонская и Туминс считали важным выяснить характер взаимодействия памятника с «Отпиской»: каким образом сочинение Стрешнева-Лигарида повлияло на

содержание и структуру Никоновой книги, на суть словесных апелляций полемиста к оппонентам и выбор риторических приемов. Исследователи настаивали: стилистика «Возражения» укоренена в традицию прения.

Двигаясь в указанном направлении, мы обнаружили, что «Отписка» действительно выстроила структуру «Возражения» и повлияла на его содержательные и стилистические особенности. Отвечая противникам, Никон цитировал их слова и отдельно реагировал на реплики «совопросника» Стрешнева и «толковника челоуѣкоугодного» Лигарида.

Никон считал, что Стрешнев попал под влияние Лигарида, поскольку вопросы боярина были явно провокационными: «Ты убо, Симеоне, глаголеши таковая не своими усты и языкомъ: вѣдятъ вси знающіи тя, яко ничто же в тебѣ тако есть <...> нѣси от истины, но все лживо вопрошаеши, яко же отецъ твой диаволь научилъ тя»². Как заметила Туминс, от формального интереса к персоне патриарха и его поступкам Стрешнев переходил к личным, а потом и мелочным обвинениям Никона, которые особенно легко исказить, неоднозначно истрактовать и представить как нарушение канонических правил или прав государя. В самом деле, вопросы церковно-государственного масштаба (например, о том, прав ли патриарх, когда оставил первосвятительскую кафедру, не посоветовавшись с царем, или правильно ли поступал, когда расширял патриаршую область за счет присоединения к ней новых земель, или законно ли Никону считать себя по духовному статусу выше архиереев, которых он рукоположил на митрополичьи кафедры) перемежаются с более узкими, индивидуально-личностными (например, не оскорбил ли Никон церковный собор, когда назвал его «сонмищемъ жидовскимъ», или прав ли патриарх, когда предал анафеме Стрешнева за то, что собачка боярина, стоя на задних лапах, передними изображала крестное знамение, или, наконец, может ли Никон перед литургией смотреться в зеркало, «чесаться» и «украшаться» и т. д.).

Как же ведет себя Лигарид, отвечая на эти разные по тематике и глубине вопросы? Во-первых, открыто демонстрирует интеллектуальное превосходство и свободу самовыражения. Паисий оперирует широчайшим кругом разнообразных источников, как традиционных — Библия и святые отцы (Восточной и Западной Церкви), так и светских. «Отписка» наполнена

2 ГИМ. Воскресенское собр. № 133. Л. 38 об., 39 об.

метафорами и сравнениями, крылатыми выражениями, фольклорными и мифологическими образами античной словесности. Так, не скрывая антипатии к Никону, митрополит сравнивает его с персонажем древнегреческой мифологии Нарциссом, влюбившимся в собственное отражение: «Лутче бы і пожиточнее было Никону меншиє привилѣи, потому что оныє подвышлѣи его і в спѣхъ привели; присматривался в них Никонъ как в зеркалѣ и прилучилося ему то, что пишут виршописцы о Нарцысу» [II, с. 542]. В другом месте Лигарид вспоминает о древнегреческих атлетах Полидамасе из Скотуссы и Милоне Кротонском, бестолково расточавших свою силу: «Милон Кротонской коли был силен в чювствѣ своем, чаял, что быти ему крѣпку і в руках, слово въ слово что і Полидамас, который один из них, хотя руками держать вертеп каменной, а другою хотѣл разодрать дерево на полы, разодрал же толко обезсилелся от болшой мочи, і опять древо, как спустилося, захватило руки его і задержало в себѣ, і пришли после волки і жива съѣли его» [II, с. 543].

Насмехаясь над Никоном, Лигарид из самых распространенных в средневековом полемическом дискурсе зоонимов выбирает свинью и ворона. Говоря о неблагодарных людях, не ценящих данных им привилегий, митрополит рассказывает притчу о свинье под дубом: «Обрѣтаются нѣкоторыя, которыя не узнают добродѣтели і николи гласа не вознесут на небо, моля о своих наставникахъ і благодарить создателя своего за добро, которое имъ богато дал, і они такіє суть, что боровы, которые желуди ядят, а николи не посмотрят на дуба, который желуди родить» [II, с. 543, 544]. Обличая склонность Никона к присвоению чужого имущества, Паисий напоминает оппоненту басню Эзопа о вороне в павлиньих перьях: «прилучилос Никону, что прилучилос ворону. Хотѣли птицы меж собою царя поставити; пошли к судіе, который бы постановил, что которая птица будет краснѣйшая, ты бы одержала тое мѣсто. Итакъ всѣ тыя птицы пошли к водѣ, чтоб омылися, и всякая птица, мыющися, отвергла отъ себе одно перо, которое видѣлося ей быти худо і нечисто; пошла і ворона к той же водѣ купатся, і увидѣ розныхъ птицъ перья, позбирала всѣ перья і к себѣ прилѣпила і побѣгла к судіе так украшена, і как увидѣл ея судія, тотчас хотѣл ей честь воздати паче иных; но иныя птицы, всякая увидя і узнавъ свое перье, прибѣгали і отнимали, і тако дѣлаючи порядкомъ учинили по старому вороною, і стала какъ і прежде была. Такожде терпит кто чюжимъ владѣть» [II, с. 533], ср.: [I3, с. 234, 378].

В ответ патриарх разразился эмоциональным монологом, в котором благодаря библейским аллюзиям и аллегорическому описанию агрессивного поведения пернатых, составленному разговорным языком с элементами просторечия, он пожелал Лигариду жестокой расправы с ним: «да обратится болѣзнь его на главу тебе, самого скитающагося, оставя свое гнѣздо, яко ворону, звати и красится не своими красотами, но иных птах добротами, еже есть не в своей епархии учити, и законополагати, и зватися от челоувѣк учителю, и прочая чрез святыя священныя правила и вновь от внѣшних басней толковати, и по правилом святым, яко ворону ощипати от всего священнаго сану, которая в чужем гумнѣ пакостит, и, обнажив, пустити, пѣшу ходити, чтоб ея обрѣтаючи, иныя птахи, признав ея глупость, тово не дѣлали, а ея, яко врага, носы своими тѣло ея клевали и кости ея розломали»³.

Что касается образа свиньи, то у полемистов он имеет разное значение: Лигарид упрекает Никона в неуважении к царю, Никон обличает Лигарида за неуважение к Богу. У Патриарха это сравнение более аллегорично из-за переносного значения слова «рыть», характеризующего грубые действия митрополита по отношению к священному тексту, — свободная интерпретация и оправдание собственных поступков. Сравнение Никона со свиньей Лигарид заимствовал из притчи о пастыре, накормившего свиней желудями [13, с. 416], а Никон, ориентируясь на содержание басни, добавил к аллегории смысл книжной метафоры: по Златоусту, в Священном Писании свиньями именуются «живущие въ распутствѣхъ» [10, с. 888], т. е. во грехе и ради «своих скверных прибытков». Много раз, обращаясь к Лигариду, Никон восклицал: «Тебѣ же кто повелѣ сѣмо приити учити и законы новы творити?»; «Ты почто чрез божественныя заповѣди и законы от себѣ вездѣ толкуешь?»; «Да ты же вракаешь, враже всякая истины, не повинуюся евангельскому учению»⁴.

Для ироничных именований митрополита-толкователя канонических текстов Никон использует как отдельные слова, так и осложненные оценочной лексикой (*далее подчеркнуто Авт.*): «Аще неправеднии клеветницы, яко же и ты, праведно ли ихъ послушати?»; «Ты же все, еже что любо творишь в отвѣтѣхъ твоихъ, все страстно и разслаблено, и всякия нечисто-

3 ГИМ. Воскресенское собр. № 133. Л. 126–126 об.

4 ГИМ. Воскресенское собр. № 133. Л. 3, 91 об., 124.

ты полно, яко же вторый Максим Киникъ»; «Зѣло мнѣ видится, безумный человекче: не вѣдѣти тебѣ божественнаго Писания, ни силы его»; «До сихъ твоихъ глагол, лицемѣре, без лѣности выслушал и зѣло показался ми еси некижен; сам весь еси во гресѣ и отвѣты твориши чрез божественая писания: доброе уничижаеши, а злое обновляеши»⁵.

Из приведенных примеров очевидно, что Никон часто прибегает к грубому слову, которое помогает ему клеймить Лигарида резко, едко и метко: «слабоумный толковниче <...> ибо глаголы твоя самого тебе уличать», «неполный умом», «отвѣтотворче суемудрене», «бѣсовскою завистию надувся, глаголеши», «лжесловче <...> безумне»; «твое <...> бл...дивое речение и лжи полное»⁶. Проецируя содержание евангельских сюжетов на обыденную, житейскую ситуацию, Никон намеренно подчеркивает невысокий уровень богословской эрудиции Лигарида, который вполне согласуется с ограниченным интеллектом «совопросника» Стрешнева, задающего явно не свойственные его умственным способностям и компетентности вопросы: «Тако и ты подобну сложилъ притчу своему безумию, яко паче мѣры обезумився, и не познався, кто еси ты. В таковую глубину золь снизшелъ в вѣчное потопление, еже ктому никто можетъ тя изъяти. И аще бы кто камень обложилъ о твоей выи, не погрѣшил бы истины на вѣчное твое неисхождение, занеже на вся святыхъ Божия заповѣди и святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ превознеся. <...> Глумотворныя кощуны! И яко вторый сатана, не восхотѣвъ под Божественым повелѣниемъ и заповѣдми быти, тѣмъ же подобныхъ себѣ обрѣтъ, низводиши во адъ, по писанному: “Слѣпецъ слѣпца водяй, оба въ яму впадетъ”»⁷. Называя Лигарида мало смыслящим в богословии, Никон не только подвергает сомнению его ученость, но и сводит на нет способность митрополита исполнять первостепенный пастырский долг — поучать паству от Писания: «Не будетъ виновенъ грѣху, кто, взявъ палку, и отгналъ бы тя, аки волка или яко пса бѣснующагося и угрызающаго неопасныя человекѣ»⁸.

По убеждению Никона, непрочность веры Паисия — в опоре на сомнительные источники: патриарх называет их «баснями», «шпынскими

5 Там же. Л. 31 об., 49 об., 87, 152–152 об.

6 Там же. Л. 26, 72, 96, 102, 128 об., 130, 180.

7 ГИМ. Воскресенское собр. № 133. Л. 365 об. – 366.

8 Там же. Л. 261.

проклятыми книгами» и «прибасками», «физиками», «смехотворными ложными книгами», «бл...дью»⁹. Любимые Лигаридом образы и аллегории античной культуры, метафоры и сравнения из греческой мифологии и античной словесности, несомненно, украшали слог полемиста, придавали его сочинениям занимательность, делали авторский стиль одновременно витиеватым, изящным и интеллектуально насыщенным.

Не принимая риторику, философию и диалектику Лигарида, патриарх смыкался с представителями раннего старообрядчества, называвшими красноречие «внешней мудростью», и отрицал различные интерпретации канонического текста, которые позволял себе Лигарид. Подобно ревнителям благочестия, риторике и философии Никон противопоставлял православную веру.

Слово патриарха имело опору в «святых правилах» и в «местах от святых книг». Разъясняя духовные постулаты и литургические вопросы, Никон опирался на греческую православную традицию и богатейший опыт русской духовной культуры. Он сравнивает Лигарида с реальными персонажами церковной истории, пытавшимися изменить ее ход, — Максимом Киником, архиепископом Константинопольским (IV в.), и Мартином Лютером (1483–1546), инициатором Реформации и основателем нового религиозного учения, приведшего на Западе к установлению контроля государства над церковью. Эти аналогии помогали современникам Никона выстроить типологические параллели между Лигаридом и его предшественниками — с одной стороны, интриганом и неблагодарным человеком, предавшим святителя Григория Богослова и пытавшимся занять Константинопольскую кафедру, с другой — тем, кто разрушил целостность христианской Церкви.

Особое внимание Туминс обратила на «живую» устную речь Никона, наполненную, как писала исследователь, «выразительными обращениями» к оппонентам, «порой обильно оснащенными бранной лексикой», но «без утраты церковной учености» [14, р. 69, 70]. Выявляя близость экспрессивных текстов Никона к полемической традиции, Туминс провела параллель между ответами Никона Лигариду-Стрешневу и Ивана Грозного пастору Яну Роките — это последнее произведение, кроме самой Туминс [9], неоднократно привлекало внимание исследователей (В.В. Калугин, Д.С. Лиха-

9 Там же. Л. 14 об., 61 об. – 62, 125 об., 143, 214 об.

чев, Я.С. Лурье, Н. Марчалис, О.В. Чумичева и др.). Считая, что техника спора за столетие, отделявшее две полемические практики, осталась неизменной, Туминс увидела близость текстов Грозного и Никона по темпераменту и способам выражения личного отношения к противной стороне. Однако сравнительно недавние исследования ответов Грозного Роките показали, что «большая часть и яростных инвектив, и ярких образов, которыми расцвечен текст Грозного», языковая и стилистическая неоднородность его творчества является «отражением духа эпохи в целом» [5, с. 102–103]. Оценивая «пылку» речь Никона в «Возражении», не стоит ограничивать ее патетическую составляющую только проявлением скверного характера Никона, злобно реагирующего на ущемление привилегий, оскорбленного в своих честолюбивых помыслах, — на этом настаивала историография XIX в. и советского времени. В экспрессии речевого поведения Никона, как и Грозного, необходимо видеть риторическую традицию, позволявшую соединять коммуникативную технику, стилистические приемы, четкую аргументацию и эмоциональное воздействие, которое особенно ярко проявляется у обоих авторов в умелом сочетании книжного слова с разговорно-просторечной лексикой.

Известно, что грубые высказывания и ругательства, недостойные речи первосвященника, Никон, не стесняясь, употреблял в адрес недругов. В соборном постановлении вселенских патриархов о низложении Никона особо отмечается, что он «еще же и томы наши именова басни и бл...ди, того ради, яко приводихомъ за его преступления правила, прямо его преступлениямъ противящихся, яже онъ нарицаше лживая» [11, с. 1095]. Члены следственной комиссии, побывавшей в Воскресенском монастыре в 1663 г., докладывали царю о том, что Никон в их адрес грубо ругался и был «во всякихъ словахъ неводержателен» [11, с. 622]. Астраханский архиепископ Иосиф доносил государю, защищая Лигарида, которому от Никона доставалось больше всех: «и онъ, Никонъ <...> Паисея митрополита почель бранить всячески и называль его воромъ и нехристїяниномъ, и врагомъ Божїимъ, и собакою, и самоставленномъ, и мужикомъ невѣдомо какимъ: ѳздишь, де, ты по многимъ государствамъ и чужимъ землямъ и своимъ воровствомъ разоряешь, и въ рѣчахъ ему отказаль <...> и всѣ, де, вы нехристїяне и законпреступники, пришли, де, на меня, яко жидове на Христа <...>. Да онъ же, Никонъ, говорилъ и иныя непристойныя и противныя рѣчи» [11, с. 612, 613].

Судя по приведенным примерам, предпочтительными зооморфными сравнениями патриарха в отношении Газского митрополита были пес и собака. После скандальной встречи с Никоном в Воскресенском монастыре митрополит упрекал патриарха в письме к нему: «Зѣльнымъ убо гнѣвомъ мятешися, и отъ гнѣва дѣши яже не суть тобою дѣема, съ ярости, се есть съ отлученія ума и слѣпоты, въ суботній день мене, власть, пса нареклъ еси, а не христіаниномъ, въ воскресный же день Каіафою прилагаючи, яко блазень <...> и ты нечеловѣколюбно ни посланія пріялъ еси, ниже человѣчески угостити восхотѣлъ еси, но крича былъ еси <...> обаче мя, яко пса изгналъ еси изъ твоея келіи» [11, с. 632–634]. Производная номинация от «собака» — «пес» была бранным словом. В полемическом дискурсе Ивана Грозного метафора «политический противник — это животное (собака)» является концептуальной и, образуя группу с образом собаки-пса, занимает особое место среди излюбленных ругательств царя. Этимологическое наполнение данной метафоры у Никона восходит к книжной культуре, даже в тех случаях, когда он использует бранное слово. В приводимом ранее слове святитель Иоанн Златоуст объяснял, кого Священное Писание называет собакой: «<...> когда услышишь о собакахъ, то не сочти и ихъ за собакъ <...> собаками же называетъ необдуманно бѣснующихся противъ Господа» [10, с. 888]. А в сочинении против Собора, осудившего «еретика» патриарха Никона, неизвестный автор, ссылаясь на Священное Писание, объяснял, почему собакой-псом в Книге книг именуются отступники от истинной веры: «Вѣси убо, о Никоне, яко лихоимцы и хищницы псы наричетъ писаніе, и безсруднѣйшая несытства ради имѣніа сице псы наричетъ, и жидовъ и всѣхъ еретикъ, и блюстися отъ сихъ велить, отъ злыхъ дѣлателей» [12, с. 103]. Именно потому, что Никон считал Лигарида отступником от православия и «врагом Божиим», он называл митрополита псом и собакой.

Другой метафорический образ, который употребляется Никоном в адрес Лигарида, — змий. «Почто ты в чюжей пишешися и именуешися Газскимъ? Да гдѣ есть Газа? И колико время преходя, скитаешися от нея, аки змий, ползая по земли, изблевая смертоносная своя беззаконная слова и уядая простѣйшия человѣки?»¹⁰. Эта аллегория, используемая традиционно в книжной словесной культуре для обозначения демонических сил,

¹⁰ ГИМ. Воскресенское собр. № 133. Л. 129.

встроена в стилистически неоднородное повествование, где с помощью демократической лексики Никон создает зримый облик демона, напоминающий изображения беса на книжных миниатюрах и иконах, сюжеты которых раскрывают темы Страшного суда и ада. Не случайно патриарх Никон многократно применяет к Лигариду номинации, связанные с антихристом, «духом лстивым», врагом Божиим и попирателем законов Церкви и православной веры.

Жесткость и прямота изложения, доходящие в «Возражении» до грубости и личных оскорблений оппонента, категоричность тона и патетика — эти особенности словесного поведения Никона восходят к жанру прения. Хорошо известно, что ученый диспут и словесные состязания стали приметой XVII в. [1]. В этой традиции для «Возражения» Никона можно обнаружить образцы, порой совершенно неожиданные. Мы имеем в виду книгу «Лифос, или Камень с пращи правды Церкви святой православной Русской...» (1644). Изданное на польском языке в Киево-Печерской лавре Киевским митрополитом Петром Могилой, это сочинение было ответом на сочинение «Перспектива» (1642) Кассиана Саковича, автора полемических сочинений в защиту унии церквей и перехода из православной веры в католическую. Книга «Лифос» числилась в келейной библиотеке любимого ученика патриарха Никона, церковного поэта и мастера акростиха архимандрита Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Германа († 1682). Подробно изучивший содержание, структуру и стилистику произведения митрополит Макарий (Булгаков) отмечал как раз те ее особенности, которые можно адресовать и «Возражению»: «Здесь автор преследует своего противника шаг за шагом и отражает каждое его нападение. И потому книга “Лифос” расположена в том же самом порядке, как и “Перспектива”, и разделена на те же самые главные части <...>. Некоторые ответы весьма обширны. Характер полемики в “Лифосе”, как и в “Перспективе”, по обычаю того времени желчный и бранчливый: “Лифос” резко выставляет и порицает не только нравственные, но и физические недостатки Саковича» [4, с. 604]. К уже приведенным примерам ругательного стиля Никона добавлю еще один с характеристикой Лигарида: «ты ни постишися, ни молишися, яко же мы слышахом от достовѣрныхъ свидѣтелей, иже при тебѣ пребывающии исповѣдаша, что ничимъ же лутче есть поганина! Внегда ходити к Троицы Живоначальной в Сергиев монастырь ни постившася тебя видѣли, когда ни

молившася, но всегда днем и нощию ядуща и пиюща, яко свиния, и ничто же ино благо творяща <...>. Хвалиши терпѣние инѣмъ, а сам, ничтоже терпя, являеши. Кротость ублажаеши, а самъ, яко левъ, яришися, или яко песь от явных твоихъ сердечныхъ сокровищъ неистовствуешъ. Цѣломудрие похваляеши, самъ присно прелюбы дѣеши. Добродѣтель и правду любити закониши, сам не престаеши, враждуя»¹¹.

Возражая Лигариду, патриарх Никон следовал традиции прения, техника которой не исключала использование в полемических целях бранной лексики и словесных оскорблений оппонента, касающихся не только его интеллекта, но и физических изъянов. Бранчливые выражения, словесные поношения, вкрапления в книжную речь просторечных слов, использование одновременно ругательств и библейских сравнений, ироничное отношение к оппоненту и его унижение — все это присуще стилистике и Ивана Грозного, и патриарха Никона, выступавших защитниками православной веры.

Однако не исключено влияние на особенности ведения спора православным диспутантом полемической техники его оппонента. И в этом смысле «Возражение» и «Отписка» служат ярким примером. Рассуждая о повествовательных новациях в произведениях 1660–1670-х гг., А.С. Демин охарактеризовал «Жезл правления» Симеона Полоцкого как первую на Руси полемическую книгу с «выразительно расчлененной композицией» и «высокоорганизованным изложением полемики» с расколоучителями Никитой Пустосвятом и Лазарем. Их высказывания пронумерованы, рассматриваются не хаотично, а по ходу следования, цитаты не смешиваются, а «ответы» и «возобличения» даются с заголовками. «Все в “Жезле правления”, — заключает исследователь, — оформлено исключительно четко» [2, с. 388, 389]. Рассуждая о заимствовании Полоцким манеры спора из католических трактатов и стремлении полемиста за счет новой формы и композиции сделать содержание книги доступной для разных категорий читателей, Анатолий Сергеевич не упоминает о том, что у Симеона был соавтор, вернее, автор первоначального варианта книги, впоследствии им переработанной в «Жезл». Это Паисий Лигарид, который в нашем случае, отвечая Стрешневу, аккуратно и четко располагал материал в последовательности поступления от боярина вопросов.

¹¹ ГИМ. Воскресенское собр. № 133. Л. 268–268 об.

Ту же рельефность ответов и строгость формы демонстрирует в «Возражении» и патриарх Никон. Все главы-возражения у Никона имеют подзаголовки; опираясь на письменный источник оппонентов, патриарх каждый раз сообщает об обращении к нему и точно обозначает границы заимствований; на цитату-тезис своих недругов Никон дает развернутое обоснование, а многочисленные и объемные вставки из канонических текстов, святоотеческой литературы и церковно-законодательных документов, несомненно, преследуют литературную цель — говоря словами Симеона Полоцкого, на «позорище духовныя брани... смотрети очима» (цит. по: [2, с. 163]). Поэтому, если говорить о новаторстве Полоцкого в оформлении «Жезла» как печатной полемической книги против расколоучителей, то оно, несомненно, присутствует, ведь традиции спора со старообрядцами в России не существовало, однако творческое использование Симеоном композиционных и структурных элементов прения находятся в русле средневековой полемической культуры, в том числе отечественной, отличающейся порой, как и стилистика «Жезла», грубыми и язвительными выражениями, однако полностью ортодоксальными.

Подведем итоги. Для негативного окраса личности Лигарида, для характеристики его неблагочестивых поступков и поведения, лишенного духовного стержня, обрисовки безнравственного облика Газского митрополита в «Возражении» патриарх Никон привлекал риторические приемы полемической культуры и жанра прения: опора на церковное законодательство, метафорика и цитатный фонд Священного Писания, смешение книжной лексики и просторечия, зооморфные сравнения и библейские реминисценции. Наполнение зооморфизмов у патриарха Никона восходит к образности книжной культуры и этимологически связано со значениями метафор животных в Священном Писании и святоотеческих поучениях. Использование Никоном просторечия и грубой, даже бранной лексики оправдано не только личным отношением первосвятителя к оппоненту и его поступкам, но и традицией прения, имевшей в древнерусской аргументивно-доказательной практике умелый опыт сочетания разных стилистических регистров, ярким примером которого служат ответы царя Ивана Грозного пастору Яну Роките.

Сравнение источников и литературных приемов двух авторов — Никона и Лигарида — показало, что они работали в разных культурных

традициях, соответствующих их ментальности и принадлежности разным образовательным системам. Паисий Лигарид — представитель западной средневековой культуры и европейской образованности, обладающий изящным стилем и виртуозно владеющий словом, органично сочетал в своем творчестве византийское литературно-историческое наследие и античную философию. Его интеллектуально насыщенные тексты преследовали светскую цель: они развлекали, возбуждали интерес читателя к малознакомым сюжетам и писателям. Патриарх Никон, будучи сторонником греческой традиции в богослужении, вместе с тем допускал заимствования из западной культуры, которые осмыслял в духе православия: европейские «новины», используемые им в быту и монастырском зодчестве, не только не противоречили правилам веры, но, согласуясь с ней, дополняли и подчеркивали ее духовную глубину. Однако в полемике и литературно-публицистической деятельности Никон оставался приверженцем древнерусских традиций, книжником и строгим ортодоксом.

Список литературы

Исследования

- 1 Голубев И.Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 294–301.
- 2 Демин А.С. Писатель и общество в России XVI–XVII вв. М.: Наука, 1985. 353 с.
- 3 Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII века. М.: Наука, 1978. 274 с.
- 4 Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1995. Кн. 2. 702 с.
- 5 Марчалис Н. Люторь иже лють. Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с.
- 6 Полемическая культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое время: коллект. монография. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. 495 с.
- 7 Полознев Д.Ф. Архиерейский корпус при патриархе Никоне и конфликты в нем // Сообщения Ростовского музея. Ростов: [б. и.], 2000. Вып. 10. С. 38–64.
- 8 Севастьянова С.К. «Возражение» патриарха Никона как памятник русской полемической культуры второй половины XVII в.: проблемы и перспективы изучения // Каптеревские чтения. М.: ИВИ РАН, 2019. № 17. С. 137–189.

- 9 Tumins V.A. Tsar Ivan IV's Reply to Jan Rokyta. The Hague-Paris: Mouton, 1971. 540 p.

Источники

- 10 *Иоанн Златоуст, свят.* Полное собрание творений. СПб.: Изд. СПбДА, 1896. Т. 2. 988 с.
- 11 Историческое исследование дела патриарха Никона / сост. по официальным документам Н. Гиббенет. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1884. Ч. 2. 1153 с.
- 12 Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1885. Т. 7. 466 с.
- 13 *Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 553 с.
- 14 Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's "Refutation" [«Возражение, или Разорение смиренного Никона, Божиею милостию патриарха, против вопро-сов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисиовы», 1664 г.] / ed., with introd. and notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin; New York; Amsterdam, 1982. 808 p.

References

- 1 Golubev, I.F. "Vstrecha Simeona Polotskogo, Epifaniia Slavinetskogo i Paisiia Ligarida s Nikolaem Spafariem" ["The Meeting of Simeon of Polotsk, Epiphanius of Slavinetsk, and Paisius Ligarides with Nicholas Spafarius"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 26. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 294–301. (In Russ.)
- 2 Demin, A.S. *Pisatel' i obshchestvo v Rossii XVI–XVII vv.* [Writer and Society in Russia in the 16th–17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 353 p. (In Russ.)
- 3 Eleonskaia, A.S. *Russkaia publitsistika vtoroi poloviny XVII veka* [Russian Publicism of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 274 p. (In Russ.)
- 4 Makarii (Bulgakov), mitropolit. *Istoriia Russkoi tserkvi* [The History of the Russian Church], vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria Publ., 1995. 702 p. (In Russ.)
- 5 Marchalis, N. *Liutor izhe liut. Prenie o vere tsaria Ivana Groznogo s pastorem Rokitoi* [Luther is fierce. Debate on the Faith of Ivan the Terrible with Pastor Rokita]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2009. 376 p. (In Russ.)
- 6 *Polemicheskaia kul'tura i struktura nauchnogo teksta v Srednie veka i rannee Novoe vremia: kollektivnaia monografiia* [Polemical Culture and the Structure of Scientific Texts in the Middle Ages and Early Modern Times: Collective Monograph]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2012. 495 p. (In Russ.)
- 7 Poloznev, D.F. "Arkhieireiskii korpus pri patriarkhe Nikone i konflikty v nem" ["The Bishop's Corps under Patriarch Nikon and Conflicts Within It"]. *Soobshcheniia Rostovskogo muzeia* [Messages from the Rostov Museum], issue 10. Rostov, [s. n.], 2000, pp. 38–64. (In Russ.)
- 8 Sevast'ianova, S.K. "'Vozrazhenie' patriarkha Nikona kak pamiatnik russkoi polemicheskoi kul'tury vtoroi poloviny XVII v.: problemy i perspektivy izucheniia" ["Patriarch Nikon's 'Objection' as a Monument of Russian Polemical Culture of the Second Half of the 17th Century: Problems and Prospects of Study"]. *Kapterevskie chteniia* [Kapterevsky Readings], no. 17. Moscow, IWH RAS Publ., 2019, pp. 137–189. (In Russ.)
- 9 Tumins, Valerie A. *Tsar Ivan IV's Reply to Jan Rokyta*. The Hague-Paris, Mouton, 1971. 540 p. (In English)